

ная В. И. Лениным, высокая оценка Спартака и т. д. Затем автор напоминает читателю те многочисленные примеры, пословицы и выражения из античной истории, которые часто употреблял в своих работах и выступлениях Владимир Ильич.

Работа Н. С. Гринбаум написана хорошо, с большим подъемом. Многочисленные примеры из работ В. И. Ленина делают ее особенно живой и интересной. Автор сумел показать, что античность для В. И. Ленина всегда являлась одним из важных этапов развития человеческой культуры, одним из ее звеньев, без изучения и понимания которого нельзя понять настоящее.

Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II, 1950

Вопросам древней истории в данном сборнике посвящены статьи Г. А. Пугаченковой «Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах» и С. К. Кабанова «Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе».

Статья Г. А. Пугаченковой (стр. 8—57) касается изучения группы местных памятников материальной культуры, могущих отчасти заполнить пробелы в изучении согдийской архитектуры. К ним относятся культовые предметы — костехранилища — оссуарии и объекты невыясненного назначения — «заслонки», «очажки» и плоские плиты, орнаментация которых содержит архитектурные элементы. Автор подробно характеризует элементы архитектурного декора (стр. 10—42) и приходит к ряду интересных выводов. Автором опровергается мнение о том, что оссуарии воспроизводят архитектуру древнего среднеазиатского жилья. Овальные оссуарии подражают не юрте, а курганообразным надмогильным сооружениям древних среднеазиатских тюрков. Архитектурные элементы оссуариев связаны скорее с храмовым, а не с жилищным строительством. Автор высказывает предположение, что изучение согдийской архитектуры следует вести («... не столько в сопоставлении, сколько в противопоставлении ее архитектуре сасанидской» (стр. 56).

С. К. Кабанов в указанной выше статье (стр. 82—134) сообщает об археологической рекогносцировке в низовьях р. Кашка-Дарья, о стратиграфическом разрезе на Мудин-тепе и о разведочных раскопках на городище Ер-курган. Статья богато иллюстрирована чертежами и фотографиями находок. Добытый археологический материал позволил автору прийти к следующим выводам: 1) в исследованном районе начало развития поливного земледелия с широко разветвленной системой искусственного орошения относится ко II—I вв. до н. э.; 2) западнее линии Кассан — Касби — Куны — Фаэли нет памятников, свидетельствующих о крупных земледельческих обществах древности. Ирригационная система этого района — гораздо более позднего происхождения. Ер-курган был основным политическим и торгово-ремесленным центром в оазисе в период рабовладельческого строя, 3) некоторая часть населения города принадлежала к согдийско-таджикской этнической группе. Памятники изобразительного искусства свидетельствуют о высоком мастерстве и о древности местных традиций в искусстве.

Г. А. Цветаева

ПРОКОПИЙ ИЗ КЕСАРИИ. Война с готами. Перев. с греческого С. П. Кондратьева, М., Изд. АН СССР, 1950, 515 стр., тираж 5000 экз., цена 26 руб.

Вряд ли можно переоценить значение выхода в свет русского перевода «Войны с готами» Прокопия Кесарийского. Широкие круги советских историков и работников смежных областей науки получили возможность ознакомиться с этим важнейшим для истории ранней Византии источником. Прокопий, крупный историк VI в., описывает в своих произведениях время правления Юстиниана и тем самым помогает разоблачить фальсификаторскую апологетическую оценку, даваемую буржуазной наукой

деятельности этого императора. Правление Юстиниана, в свете сообщений Прокопия, это не период стабилизации и восстановления былого величия Римской империи, но время жесточайшего преследования революционных выступлений масс, последняя попытка реставрации старых рабовладельческих порядков.

Участник походов Велизария против персов, вандалов и готов, человек, принадлежавший, по всей вероятности, к старой сенатской аристократии и настроенный оппозиционно по отношению к политике Юстиниана, Прокопий в своей «Войне с готами» не только подробно описывает перипетии этой двадцатилетней (534—554 гг.) борьбы, но и дает целый ряд ценных сведений о народно-освободительном движении в Италии. Наряду с этим «Война с готами», как и остальные произведения Прокопия, ярко отражает разложение, характерное для господствующей верхушки того времени.

Значительный интерес и ценность представляют сведения, которые Прокопий дает о герулах, франках, гепидах, лангобардах, гунах и, наконец, об антах и древних славянах. Все это делает «Войну с готами» историческим источником первостепенной важности.

Литературный стиль Прокопия свидетельствует об отличном знакомстве с античной греческой историографией и о сознательной ориентации на лучшие ее образцы. На близость стиля Прокопия к стилю Фукидида уже давно было обращено внимание¹, и если можно спорить о степени этой близости, то следует все же признать, что, не поднимаясь до свойственных Фукидиду глубины мысли и драматизма, изложение Прокопия, несомненно, имеет значительное внешнее сходство с изложением Фукидида. С точки зрения перевода этого текста на русский язык, интересны не столько речи, которыми Прокопий, подобно Фукидиду (и большинству других греческих историков), уснащает свой рассказ, и характерные для Фукидида повторяющиеся фразы, сколько общий тон всего изложения: период Прокопия в большинстве случаев длинен, но ясен, строг и хорошо сбалансирован. При передаче подобного текста переводчик сталкивается со значительными трудностями, тем более что деловая по содержанию проза подобного рода всегда характеризуется использованием художественных средств и известной изысканностью.

За годы Советской власти искусство перевода не только достигло очень высокого, по сравнению с дореволюционной переводческой продукцией, уровня, но и получило твердую теоретическую базу. Основными принципами передачи иностранного текста стали возможно большая филологическая точность и сохранение стилистического колорита подлинника. Перевод С. П. Кондратьева, с точки зрения близости к оригиналу, выполнен филологически тщательно; читатель, не знающий греческого языка, может на него положиться. Несколько меньше удалась переводчику трудная задача воспроизведения стилистических особенностей текста.

Несмотря на значительную трудность передачи большого по объему текста и несомненные достоинства всей работы, С. П. Кондратьеву можно сделать ряд упреков как в области филологии, так и стилистики. Начать с того, что в ряде мест неясно отношение переводчика к рукописному преданию и те основания, которые побуждают его отступать от положенного в основу перевода издания Хаури². С. П. Кондратьев во всех спорных случаях следует принятому Хаури чтению и никогда не отступает от него в самом тексте. Однако он иногда выносит в подстрочные примечания перевод других рукописных или конъектурных чтений соответствующего места текста. Несмотря на то, что переводы, как правило, не снабжаются критическим аппаратом и дают некий стабильный текст, опыт С. П. Кондратьева, в особенности применительно к историческому тексту, следовало бы всячески приветствовать, при том условии, что читатель получал бы исчерпывающие объяснения о причине предпочтения той или иной конъектуры или рукописного чтения. В том же виде, в каком эти

¹ См. H. Braun, *Procopius Caesariensis quatenus imitatus sit Thucydidem* в *Acta Seminarii Philol. Erlangensis*, 1886.

² H a u r y, *Procopii Caesariensis opera omnia*, vol. II, Lips., 1905.

разночтения помещены в книге, они не могут удовлетворить специалиста и оставляют в полном недоумении читателя-неспециалиста.

Представление о характере введенных С. П. Кондратьевым разночтений дает следующий пример: на стр. 116 мы читаем: «Они сохранили римский костюм как во всем остальном, так и в своей обуви». Примечание гласит: «Некоторые, по конъектуре (чьей? — *И. Ф.*), переводят: „в своем головном уборе“. См. *Comparati*». Хаури в критическом аппарате не приводит для этого места никаких разночтений; рукописное *κἰν τοῖς ὑποδήμασι* представляется ему вполне удовлетворительным. Читатель поэтому остается в недоумении и относительно того, кому принадлежит конъектура, и относительно работы Компаратти, на которую ссылается переводчик, и относительно того, чем вообще здесь обоснована или почему потребовалась конъектура. Очень остро ощущается читателем и отсутствие списка использованной при работе над текстом литературы (отдельных изданий, комментариев, специальных работ и т. д.).

Обратимся к самому переводу. Несмотря на исключительную близость к тексту, а, может быть, именно благодаря ей, отдельные частности вызывают возражения. В первую очередь — неприятно поражающее в русском тексте изобилие личных и указательных местоимений, не только загружающих фразу, но подчас и делающих ее недостаточно ясной. В самом деле, нужно ли по несколько раз повторять личные местоимения в предложении с однородными сказуемыми, как это делает, например, С. П. Кондратьев на стр. 92: «Получив звание консула за победу над вандалами, *он* (Велизарий. — *И. Ф.*) был еще облечен этим званием, когда *он* покорил всю Сицилию, и в последний день своего консульства *он* совершил свой въезд в Сиракузы». В подлиннике эта фраза не содержит ни одного указательного местоимения, но примыкает к предшествующей, где Велизарий назван по имени; и по-русски местоимение необходимо было ввести лишь однажды. Фраза была бы в этом случае изящнее и ближе к оригиналу.

Количество сходных примеров очень велико, ср.: I, 9, 8—10; 3, 11; 4, 2; 7, 34; 10, 6; 11, 9; 25, 9; II, 5, 15; 12, 4; 18, 5; 18, 9; 20, 26; 25, 14; III, 36, 20; IV, 2, 13 и др.

Однако нередки и случаи, когда в предложении по несколько раз встречаются личные местоимения, заменяющие различные существительные; фраза тогда становится, кроме всего прочего, и затруднительной для понимания, как, например, на стр. 388: «... утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства *они* совершенно не соприкасались с *ними*: между *ними* жило много племен, так что волей-неволей *им* не приходилось проявлять против *них* никаких враждебных действий».

Первая часть предложения более или менее понятна (а если устранить «они», совершенно здесь не нужное, то кристально ясна!); все же, что следует за двоеточием, нуждается в пояснении. Между тем, отмеченные местоимения в греческом тексте явно относятся к римлянам, и в этом отношении в подлиннике нет ни малейшей неясности.

Недопустимо также создающее двусмысленность скопление местоимений, подобное тому, как на стр. 157: «... *он* приказывает... Траяну... идти прямо на варваров и... подвигшись на высокий холм (*он ему* указал *его*), держаться спокойно». Вызвано ли необходимою такое нагромождение местоимений в скобках? Ни в какой мере; вполне достаточно было бы не заключать в скобки завершающий фразу причастный оборот — *δείξας τὴν ὑψίον αὐτῷ* и перевести его словами: «на холм, который он указал».

Применения одного местоимения к двум различным лицам следует всячески избегать в любом переводе; особенно же оно нежелательно в трудном историческом тексте. Неприятно поражает и не свойственное русскому языку обилие указательных местоимений. Передавая буквально каждое слово греческой фразы, переводчик очень часто насилует привычное русское словопотребление. Так, на стр. 311 читаем: «Сам Велизарий, взойдя на одну из *этих* барж, стал во главе *этого* похода и велел тащить *те* суда, на которых он выстроил башню». В тексте подлинника этих указательных местоимений вообще нет, и в русской фразе они появились, очевидно, в качестве замены артикля. Так как в греческом языке указательные местоимения употребляются гораздо шире, чем в русском, то нужно, как нам кажется, не только не вводить в русский текст

местоимения, отсутствующие в греческом, но и опускать в ряде случаев те, которые имеются в оригинале; попытка С. П. Кондратьева подобным образом передавать артикль ничем не оправдана и вряд ли может считаться удачной. Аналогичные случаи см.: I, 7, 7; 10, 27; III, 8, 13; 16, 6; 33, 1; IV, 2, 14; 13, 13 и др.

Необычно для русского языка и сочетание указательного местоимения «этот» (вместо обычного «тот») с относительным «который», как например, стр. 230 «... и рассказывал ему об *этом* ужасном несчастье, *которое* пришлось перенести римлянам». Лучше было бы сказать «о *том* несчастье, *которое*...»

Другим недостатком перевода кажется нам наличие в русском тексте ряда «калек» соответствующих греческих конструкций. Так, например, механически, во вред русскому тексту, калькируется родительный падеж определения в ряде случаев, когда он по-русски совершенно не употребителен: стр. 80 — «и тем заслужил высшую славу и мудрости, и доблести»; стр. 139 — «второе же приносит в достаточной мере славу доблести». Стр. 329 — «почтен славою кажущейся энергии», тогда как по-русски можно только сказать «славой человека, кажущегося энергичным». Аналогичные примеры находим еще в нескольких местах, например, на стр. 201 (II, 12, 20); стр. 316 (III, 20, 31) и др. Совершенно не укладывается в нормы русского языка родительный падеж на стр. 160: «не проходить очень близко к лагерю врагов, но всегда делать вид немедленного своего нападения»; по-русски следовало бы непременно «делать вид, что...».

Второй вид калек — попытка передачи фигуры *hendiadys* двумя синонимами. Это встречается неоднократно при переводе *ἐπὶ τῇ ἰσῆι καὶ ὁμοίᾳ*, которое С. П. Кондратьев передает по-русски «на равных и одинаковых правах» (стр. 223, 341, 387); для русского языка это повторение синонимов тавтологично и создает впечатление шероховатости; в аналогичных случаях один из членов обычно опускают, а другой усиливают за счет соответствующего определения.

Часто вызывает возражения и точное следование порядку слов греческого оригинала. Несмотря на то, что в обоих языках порядок слов свободный, в русском он в известной мере ограничен требованием компактной постановки группы подлежащего и сказуемого, невозможностью разрывать существительное с определением, удалять причастные и деепричастные обороты от слов, к которым они относятся, и т. д. Все это составляет не столько грамматический закон, сколько *usus* языка, и нарушение этого *usus*'а всегда ощущается. Предложения, подобные следующему: «Я и сам думаю, что это было так, что амазонки шли походом вместе со своими мужьями, основываясь на том, что происходило фактически и в мое время» (стр. 382) — не могут считаться вполне ясными. Только исключительно благодарный контекст заставляет читателя относить деепричастный оборот к подлежащему главного, а не придаточного предложения; если бы имелись в виду не Прокопий и амазонки, неизбежно создалась бы двусмысленность. Такой порядок слов тем менее уместен, что в греческом тексте причастие непосредственно следует за словом, с которым оно согласовано.

Столь же неудачный пример находим и на стр. 78, где воспроизведен буквально порядок слов оригинала: «... готы... с оружием в руках восстали против римлян под начальством Теодориха». Фраза неясная; только знание того, кто такой Теодорих, не позволяет нам считать его римским полководцем. В греческом тексте читаем:... Γότθοι, οἱ... ἔπλα ἐπὶ Φρωαίους, Θεωδερῖχου σφίσιν ἡγούμενου ἀντήραν, ἀνδρὸς πατρικίου τε καὶ... При одном взгляде на эту фразу ясно, что ее причудливый порядок слов не может быть передан по-русски. Переводчику здесь гораздо важнее было бы учесть, что родительный самостоятельный содержит местоимение σφίσιν, и из текста, таким образом, вполне ясно, что Теодорих начальствует над готами. Иногда подобный буквальный перевод создает даже бессмысленные чтения, подобные следующему:

«Он приблизил к себе тех родственников из готов, которые были ею убиты (!), а их среди готов было много, и они пользовались почетом» (стр. 89). У читателя полная иллюзия, что Теодат приблизил к себе мертвецов, тогда как в греческом тексте (καὶ Γότθων τῶν πρὸς αὐτῆς ἀνηρημένων τοὺς ξυγγενεῖς ἐπαγομένους, πολλοὺς τε καὶ λίαν λογίμους ἐν Γότθοις ὄντας) ни один из родительных падежей не имеет партитивного

смысла. См. также I, 5, 1; 5, 4; 8, 35; 8, 40; 11, 5; 14, 2; 18, 27; II, 2, 21; 4, 9; 8, 18; III, 9, 14; 13, 6; IV, 2, 14; 9, 2 и др.

Не всегда оправдано сохранение пассивной конструкции оригинала, часто, ввиду необычности пассива в русском языке, делающее фразу тяжелой и неуклюжей, как, например, на стр. 183: «Тут-то готы, понавшие в такую военную ловушку и неожиданно *угрожаемые* врагами со всех сторон, подверглись позорному уничтожению». Подобных примеров в тексте немного, но они, тем не менее, создают впечатление искусственности и архаичности языка.

В отношении лексики хочется указать на неудачное использование архаических славянских речений (ископи, ископи веков — стр. 287, 382, 389 и др.), местных бытовых выражений и отдельных вульгаризмов живой речи, переносящих нас в иной исторический и стилистический план, а потому совершенно неуместных даже в том случае, если они точно передают мысль текста. В самом деле, можно ли передавать латинские сентенции «*Suum cuique*» или «*Quod licet Jovi, non licet bovi*» и соответствующие им греческие гномы русскими пословицами «Не в свои сани не садись» или «Всяк сверчок знай свой шесток»? Почти так же коробит и от некоторых неудачных выражений в тексте «Войны с готами», примеры которых мы позволим себе привести: «убираться по-добру, по-здорову» (стр. 82), «до тошноты высказываемый почет» (стр. 94), «целые горы всяких благ» (стр. 102), «спустя рукава» (стр. 27^а), «попросту говоря» (стр. 287), «ни мужней женщ, ни девушке, ни вдове» (стр. 316), «всеми правдами и неправдами» (стр. 318), «с совершенно (!) голыми руками» (стр. 341), «война у них на носу» (стр. 354), «будет об этом» (стр. 370) и т. д.

Столь же неудачным представляется и частое использование неологизмов, современного газетного языка и т. п., которое, наряду с тенденцией к модернизации терминологии (о ней мы будем говорить ниже) нарушает общий колорит памятника. За недостатком места мы приводим лишь незначительную часть этих неологизмов: «организовав там все...» (стр. 113), «Теодорих работал над тем, чтобы...» (стр. 119), «держаться метода осторожности и большой продуманности» (стр. 220), «увидя такое дело» (стр. 240), «Велизарий нанес им удар со стороны водоснабжения» (стр. 244), «чтобы читающие эти строки» (стр. 376), «поэты, писавшие на эти темы» (стр. 380), «переуличивая в этом вопросе и принимать во внимание новые точки зрения» (стр. 390), «материальная культура» (стр. 377). Среди всех этих «методов», «тем», «вопросов», «точек зрения» читатель естественно начинает по временам ощущать себя не в VI, а в XX веке, и, если переводчик действительно стремился воссоздать колорит эпохи, он должен был тщательно избегать подобных неологизмов.

Еще более неприятное впечатление производит модернизация исторической терминологии. В тексте по многу раз встречаются выражения «кадровая пехота» (*κατάλογος πεζικός*, стр. 122); «кадровая конница» (*κατάλογος ἵππικός*, стр. 181); «титул короля», «императорский титул» (по гречески везде *ἀρχή* — власть, стр. 88, 124).

Не вполне убедительно и введение таких терминов, как «за твое царское величество» — в греческом тексте *τῆ σῆ βασιλείᾳ*, (стр. 150). Термин «варварские Государи» — *βασιλείς* (стр. 349) также ничем не оправдан; очень неудачен термин «римские солдаты» (*στρατιῶται*) вместо обычного «воины» (стр. 373 и 384). Желательно было бы избегнуть и часто встречающегося прилагательного «самодержавный» (*αὐτοκρατορ*), которое невольно пробуждает иные исторические ассоциации.

Вызывает некоторые возражения и самый язык перевода; у читателя создается впечатление, что на всей этой огромной работе лежит отпечаток известной незавершенности, небрежности; кажется, что рукопись не была подвергнута окончательной правке. Чем же иначе можно объяснить, что такой опытный переводчик, как С. П. Кондратьев, в ряде случаев не согласует между собою однородные члены предложения, как, например, на стр. 198 — «причиняет *врагу*, конечно, много бед и скорее заставить *и*л снять осаду», или на стр. 290 — «... с большим войском пошел на *них*. Попытавшись взять *его*». В ряде случаев мы наталкиваемся на предложения, смысл которых парадоксален, как, например: «это был человек легкомысленный, постоянно страдающий запоем...» (стр. 333); запоем, как известно, страдают только периодически; между тем

в греческом тексте сказано ἐκ τοῦ ἐπὶ πλείστον — большую часть времени, очень часто и т. п. На стр. 108: «росла маслина в виде дерева». Маслина никогда не растет иначе, и в тексте сказано τῆ; ἐλαίας δένδρον — масличное дерево, буквально — дерево маслины.

Мы не имеем возможности привести большого числа фраз и оборотов, идущих вразрез с принятым словоупотреблением, и ограничимся лишь самыми яркими из них: стр. 85: «пройти молчанием обо всем этом»; стр. 88: «Теодат, получив главную власть, стал действовать обратно тому, на что надеялась Амалазунта...»; стр. 130: «он встретил (!) мост на реке Тибре»; стр. 149: «Что же последует потом, я хотел бы, чтобы оно было еще лучше для твоих дел»; стр. 153: «скот, идущий на еду»; стр. 209: «побуждаемые жадностью, всегда старались насиловать своих соседей»; стр. 243: «упование, которое питают к вам все готы»; стр. 392: «когда стагиритский философ думал об этом и долгое время вращал свои мысли в разные стороны» (!).

Особенное возражение вызывает излюбленный переводчиком и вовсе не отражающий стиля Прокопия прием тавтологии. Обороты типа: «не считал нужным считаться» (стр. 83); «числом много их многочисленной» (стр. 255) и им подобные встречаются во многих случаях и очень портят перевод. Мы проанализируем лишь один пример, чтобы показать, в какой мере искажается стиль Прокопия. На стр. 98 читаем: «... выйдя отсюда со всем войском, он со всей поспешностью становится лагерем на равнине». Построение здесь параллельное; каждое из глагольных действий характеризуется обстоятельными словами, для передачи которых переводчик пользуется одинаковой грамматической конструкцией. В греческом же тексте (ἐνθ' ἔνδε παντὶ τῷ στρατῷ ἀπαλλαγῆς ὅτι τάχιστα ἐν τῷ πεδίῳ στρατοπέδευτα) одно обстоятельство выражено дательным падежом (Dat. sociativus), а второе адвербиальным оборотом. И это не случайность, а сознательно применяемый Прокопием стилистический прием, притом один из привычных Фукидиду. У последнего параллельные друг другу члены предложения обычно имеют различное грамматическое выражение. Такие характерные особенности стиля желательнее было бы сохранять, тем более, что это несколько не противоречит нормам русского языка.

Подводя итог своим наблюдениям, мы должны сказать, что несмотря на бережное в большинстве случаев отношение к тексту, переводчику не вполне удалось воспроизведение его стилиевых особенностей: аромата изящного и строгого языка, которым писал Прокопий, русский читатель, к сожалению, не ощущает.

Вызывают недоумение своим необычайно скромным объемом и характером давасмых разъяснений подстрочные примечания и комментарии, помещенные в конце книги. Так, примечание на стр. 180 к предложению: «Эта гора (Везувий. — И. Ф.) отстоит от Неаполя на расстоянии семидесяти стадий к северу», гласит: «Ошибка Прокопия» (следовало бы не ограничиваться этой фразой, из которой не ясно даже, ошибается ли Прокопий в определении расстояния или направления, но привести точные данные о местоположении Везувия).

Точно так же следовало подробнее рассмотреть испорченный текст предсказания Сивиллы (примечание на стр. 151), а не ограничиваться переводом замечания Хаури об этом месте. Примечания в конце книги в большинстве представляют собою взятые из издания Хаури ссылки на источники, остальные (прим. 6, 7, 8, 24, 25, 26 к I кн., 3, 4, 5, 8, 9, 11, 13 и 15 к III кн. и большинство к IV книге), принадлежащие переводчику (авторство которого, кстати, нигде не оговорено!) — краткий реальный комментарий.

Характер и объем комментария и примечаний должен быть поставлен в упрек издательству. Читатели специалисты и не-специалисты, обращающиеся к этому исключительно интересному и до сих пор малодоступному источнику, вправе были рассчитывать на подробный и полный исторический и реальный комментарий.

Оформлены «Примечания» также чрезвычайно плохо; они снабжены лишь порядковыми номерами, без указания глав и параграфов (или хотя бы страниц), к которым относятся, причем в тексте в нескольких случаях пропущены соответствующие списки. Пользование ими превращается ввиду этого в сложные текстологические

изыскания: так, лишь при сравнении с Хаури мы установили, что первое примечание II книги относится к § 27 гл. 4, второе примечание той же книги — к § 13, гл. 10 и т. д.

Приведенное в книге изложение содержания «Войны с готами» по главам представляет собою дословный перевод латинских *Argumenta*, имеющихся в издании Хаури, и, очевидно, лишь по техническому недомоту приписано С. П. Кондратьеву. Указатель также представляет собою перевод указателя Хаури. К сожалению, и им за труднительно пользоваться, так как в тексте не всегда соблюдается единообразие в транскрипции собственных имен. Так, исавр по имени Ἰσάβρις называется повсюду Энном, как и следует в соответствии с традиционной транслитерацией, но на стр. 91 это же имя написано через *E* (Енн); на стр. 202 это же имя приобретает женское окончание (Энна). Кличка Иоанна — φαῦς (или φαῦς) то передается словом «обжора», то транслитерируется трояким способом: Фаг (стр. 294), Фага (стр. 373) или Фагас (стр. 464 и 476). Имя Губаз везде склоняется по II склонению, но на стр. 403 (место, пропущенное в указателе) находим форму «с Губазой», образованную по I склонению.

Последнее наше замечание относится к списку опечаток, который во много раз преуменьшает истинное их количество. Опечаток в книге непростительно много, и подчас весьма серьезных. В добавление к указанным в списке приводим: на стр. 382, в примечании вместо «Плутарх, Помпей, 35» напечатано «Плутарх и Помпей, 35»; на стр. 387, 18-я строка снизу, вместо «гуннов» напечатано «готов»; на стр. 494, 5-я строка снизу, имеются две опечатки: вместо «Малала» читаем «Малама» и вместо «Кедрев» — «Кенрев»; на стр. 424, 3-я строка сверху, вместо «Арриан» напечатано «Аргиан» и т. д.

Все отмеченные нами недостатки как принципиального, так и технического характера не умаляют значения большого и кропотливого труда переводчика, давшего советскому читателю возможность познакомиться с таким ценным историческим памятником, как «Война с готами» Прокопия Кесарийского.

Рецензируемый перевод снабжен обширной вступительной статьей З. В. Удальцовой «Прокопий Кесарийский и его „История войн с готами“». В начале статьи, характеризуя время правления Юстиниана (527—565 гг.), автор критикует построения дореволюционных русских и западных буржуазных исследователей, неизменно идеализировавших эту эпоху и расценивавших ее как период стабилизации и величайшего расцвета Византийской империи. Полемизируя с этой точкой зрения, З. В. Удальцова обращает внимание на непрестанный рост революционного движения масс и ожесточенные попытки подавить эти революционные выступления и подводит читателя к выводу о том, что «только ничем не прикрытая военная диктатура, неограниченный деспотизм могли отсрочить неминуемую гибель рабовладельческой империи на Востоке. Правление императора Юстиниана и было этой последней судорожной попыткой рабовладельческого класса сохранить свое господство, подавить революцию рабов и колонов» (стр. 5).

После краткого обзора источников истории VI в., З. В. Удальцова переходит к анализу произведений Прокопия — крупнейшего из византийских историков того времени. Здесь мы находим не только свод всех сохранившихся биографических данных, но, что гораздо ценнее, попытку реконструировать мировоззрение Прокопия, исходя из его классовых позиций. Внимательное изучение значительного по объему наследия Прокопия позволяет автору с достаточной полнотой раскрыть его основные политические взгляды.

Прокопий, принадлежавший, вероятно, к сенаторской аристократии, настроенной оппозиционно по отношению к политике Юстиниана, не только в «Тайной истории», но, как подчеркивает З. В. Удальцова, во всех своих произведениях проявляет известное недовольство политикой Юстиниана. Этой позиции Прокопия мы обязаны рядом ценных сведений о внутренней жизни Империи. Нельзя не согласиться с автором, утверждающим, что только под влиянием недовольства политикой Юстиниана Прокопий дает важные сведения о положении угнетенных классов, о восстаниях масс, о кризисе и разложении правящей верхушки, о налоговой системе Юстиниана и целом ряде других сторон жизни Византии VI в., недостаточно

освещаемых в произведениях других историков. В этой части статьи раскрыты также некоторые из литературных приемов Прокопия; в частности, высказана интересная мысль о том, что резкая критика Юстиниана, вкладываемая Прокопием в уста его врагов, в ряде случаев выражает, вероятно, мнение самого автора.

Интересен также раздел статьи, посвященный рассмотрению и оценке сведений, сообщаемых Прокопием о славянских племенах; здесь автор обращается не только к «Истории войн с готами», но и к другим произведениям Прокопия, в частности, к трактату *«О постройках»*, в котором буржуазная историография чрезвычайно тенденциозно усматривает лишь восхваление деятельности Юстиниана. З. В. Удальцова показывает, что этот трактат дает и иные, не менее важные сведения — о вторжениях славянских племен, о значительном размахе, в связи с этими вторжениями, строительства, преследовавшего цели обороны, и т. д.

Написанная просто и популярно вводная статья З. В. Удальцовой по-новому ставит ряд вопросов и будит научную мысль. Удачно разрешена и вторая задача, неизбежно стоящая перед всякой вступительной статьей — задача популярного освещения соответствующей проблематики, введения читателя — не-специалиста в круг вопросов, связанных с данной эпохой и данным источником.

И. В. Феленковская

А. П. ОКЛАДНИКОВ, *Неолит и бронзовый век Прибайкалья*. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 18, М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, ц. 45 р. 50 к.

Этот большой том в 400 страниц с многочисленными рисунками представляет собою сводку многолетних исследований по неолиту Прибайкалья и основан преимущественно на материалах из раскопок и разведок самого автора. В этом труде впервые дана полная систематика огромного археологического материала, но большей части остававшегося до сих пор неизвестным и только частично и разрозненно опубликованного в разных статьях, особенно в статьях автора рецензируемой работы.

Книга эта входит в круг больших, обобщающих монографий по археологии различных областей Советского Союза, написанных за последнее пятилетие сотрудниками Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Это позволяет предъявлять к труду А. П. Окладникова повышенные требования. К сожалению, этот труд значительно уступает в качестве ряду вышедших ранее работ.

Первая часть книги посвящена историографии и хронологизации древностей Прибайкалья. Вторая часть содержит описания этапов развития неолитической культуры в Прибайкалье. Описание бронзовой эпохи в Прибайкалье будет дано в одном из дальнейших томов «Материалов и исследований».

Историографическая часть (глава первая) интересна, но сильно растянута и содержит много лишнего: конспективное изложение истории взглядов на каменный век, начиная с Лукреция, историю установления трехчленного деления на каменный, бронзовый и железный века, второстепенные и третьестепенные подробности. Впрочем, как придется отмечать и далее, книге А. П. Окладникова вообще свойственны словесные излишества.

Следующие главы, вторая и третья, посвящены классификации и относительной хронологизации памятников Прибайкалья и синхронизации неолитических погребений и поселений. К положительной стороне этих глав следует отнести большую работу по выделению последовательных этапов развития материальной культуры Прибайкалья. Автор подробно и убедительно обосновывает свою схему деления этой культуры на хиньский, исаковский, серовский, китовский, глазковский и шиверский этапы. Таким образом, он дополняет и расширяет данную им же ранее аналогичную схему (в статье «Археологические данные о древней истории Прибайкалья», ВДИ, 1938, № 1). Но полное недоумение вызывает название следующего этапа «бронзовым